

Германский исторический институт
в Москве

Советский тыл 1941–1945

повседневная жизнь в годы войны

Ответственные составители
Беате Физелер и Роджер Д. Марквик

РОССПЭН
Москва
2019

УДК 94(100)"654"

ББК 63.3(2)6

C56

Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны /
C56 отв. сост. Беате Физелер и Роджер Д. Марквик. – М. : Политическая
энциклопедия, 2019. – 383 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2307-8

Сборник подготовлен по результатам конференции, некогда состоявшейся в Дюссельдорфском университете с участием историков разных континентов. В попытке прояснить роль тыла в Победе Советского Союза над нацистской Германией они обратились среди прочего к сюжетам, зачастую неожиданным в контексте устоявшегося нарратива, задались вопросами, не звучавшими в советской и российской историографии, предложили взгляд и извне на заявленную тему на основе в том числе новых или заново прочитанных источников.

Издание будет интересно не только историкам, политологам и культурологам, но и широкой аудитории, сохраняющей память о войне 1941–1945 гг., подвиге тыла, повседневной жизни тех лет.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2307-8

- © Коллектив авторов, 2019
- © Физелер Б., Марквик Р. Д.,
отв. составители, 2019
- © Германский исторический
институт в Москве, 2019
- © Политическая энциклопедия, 2019

Введение

В ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Советский Союз сорвал немецкий план «войны на уничтожение» (*Vernichtungskrieg*). Безусловно, это стало выдающимся достижением. Победе Красной армии над вермахтом посвящено бесчисленное множество книг, научных исследований, романов, художественных и документальных фильмов, сайтов и др. Подавляющее их большинство, особенно в советский период, безоговорочно прославляло героический подвиг военных, при этом фокусировало внимание на красноармейцах, по преимуществу мужчинах, но нередко и женщинах, сражавшихся на передовой¹. Однако, как отмечает Сергей В. Журавлев в этом сборнике², намного меньше внимания уделялось вкладу советского тыла в победу, а также связи фронта и тыла. В значительной мере это объясняется тем, что повествование о доблестях и подвигах военного времени, особенно об истории военных побед, несомненно, подкрепляет патриотический дискурс национального государства. Не только советского или российского – любого. Жертвы войны – практически универсальный компонент в патриотическом дискурсе современных национальных государств, как восточных, так и западных. Защита Отечества на передовой – будь она победоносная или нет – неотъемлемая составляющая легитимации национального государства³.

На фоне сражений на фронтах повседневная жизнь тыла в годы войны не кажется героической. Рутинная, состоящая из тяжелого труда в промышленности и сельском хозяйстве; постоянная забота об ис-

---

¹ Первую критику «обезличенных» описаний «беспримерного героизма», которыми изобилует советская историография Великой Отечественной войны, игнорировавшая всю «полноту человеческого опыта и выбора», см.: *The People's War. Responses to World War II in the Soviet Union* / eds. R. W. Thurston, B. Bonwetsch. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 2000. P. 1–6.

² См. в настоящем сборнике: *Журавлев С.* Мода и война: к изучению советской моды 1941–1945 гг.

³ *Markwick R. D.* The Great Patriotic War in Soviet and Post-Soviet Collective Memory // *The Oxford Handbook of Postwar European History* / ed. D. Stone. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012. P. 692–713.

тощенных членах семьи (почти исключительно – о детях и стариках); выживание на скудных пайках в условиях острой нехватки продуктов питания, иногда голода; болезни; пронизывающий холод, в том числе в домах, – все это редко привлекало внимание советских властей и историков. Вероятно, они полагали, что это мало что добавит в величественный метанарратив о Великой Отечественной войне. Нарратив определенно маскулинный, отражавший основополагающее гендерное разделение военного времени: героическое самопожертвование миллионов мужчин, сражавшихся за родину на передовой, затмило казавшиеся прозаическими усилия миллионов женщин, трудившихся в тылу⁴.

Однако советские историки были не одиноки, отдавая приоритет фронту перед тылом, мужскому – перед женским. Это вообще преобладающий подход в военной истории. Во многом она отражает гендерную трактовку «тотального» / индустриального противоборства, в котором воюющие государства задействуют все свои социальные и экономические ресурсы, чтобы победить или, как в случае советско-германского противостояния, уничтожить государство-соперника. «Тотальная» война, каковой она была на Восточном фронте, являлась гендерной: мужчины преобладали на фронте, женщины – в тылу.

В предвоенное десятилетие газета «Правда» неоднократно писала, что в грядущей войне сражаться придется и тылу, и это будет сражение в том числе промышленных предприятий и сельского хозяйства; а потому все советские граждане, как мужчины, так и женщины, должны быть к этому готовы – готовы оказаться на передовой. Однако, хотя около миллиона советских женщин и служили в Красной армии, подавляющее их большинство трудилось в тылу⁵. Советский тыл был преимущественно женским, причем в большей степени, чем в любом другом воюющем государстве. К 1944 г. 4,3 млн женщин работали на промышленных предприятиях. Их доля составляла 53 % всей промышленной рабочей силы. Правда, в тяжелой индустрии

---

⁴ См.: *Егорова А. Д., Шляхов М. Ю.* Трудовой подвиг женщин в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии // Научно-исследовательские публикации. 2013. № 4. С. 21–29.

⁵ *Conze S., Fieseler B.* Soviet Women as Comrades-in-Arms: A Blind Spot in the History of the War // *The People's War*. P. 211–234; *Markwick R. D., Cardona E. Ch.* Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Houndmills; Basingstoke: Palgrave McMillan, 2012; *Fieseler B., Hampf M. M., Schwarzkopf J.* Gendering Combat: Women's Military Status in Britain, the United States and the Soviet Union during the Second World War // *Women's Studies International Forum*. 47 (2014). P. 115–126.

мужчины все же преобладали⁶. К 1944 г. в колхозах работало 13 млн женщин, что равнялось 78 % – это чрезвычайно высокий показатель – их совокупной рабочей силы. А ведь советское общество все еще на две трети оставалось сельским, крестьянским⁷. Вклад женщин в военную экономику был ключевым, что, в конечном счете, признал Сталин 1 мая 1944 г. Славя работников тыла, создавших условия для решающих побед зимой 1943–1944 гг., он впервые упомянул «неоценимые заслуги» женщин, «самоотверженно работающих в интересах фронта, мужественно переносящих все трудности военного времени, вдохновляющих на ратные подвиги воинов Красной Армии»⁸.

По мере того как после побед под Сталинградом и Курском коренным образом менялся ход войны, Сталин все чаще воздавал должное «самоотверженному труду советских людей в тылу». 6 ноября 1943 г. в речи накануне 26-й годовщины Октябрьской революции Сталин с гордостью отметил, что Советский Союз превзошел военно-промышленную мощь Германии, и приписал эту заслугу скорее «всенародной помощи фронту», нежели советскому партийному или государственному аппарату⁹. Ровно год спустя он вспомнил и про сознательные «материальные лишения», «железную волю и мужественный дух советского народа», а также «беспримерные трудовые подвиги» советских женщин, юношей и девушек¹⁰. Однако, как подчеркивает Виктор Черепанов, Сталин не говорил, да и не мог сказать, чего им это стоило¹¹.

«Все для фронта! Все для победы!» – так звучал советский призыв к тылу времен Великой Отечественной войны. Этот лозунг выражал полную поддержку Красной армии. Ее требовало от тыла советское государство в секретной директиве, принятой через неделю после вторжения сил «Оси» на территорию СССР. Одобренная лично Сталиным, она приказывала всем партийным и государственным руководителям под угрозой военного трибунала «быстро и решитель-

---

⁶ Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front, 1941–45: a social and economic history of the USSR in World War II*. London; New York: Longman, 1991. Tables 4, 5. P. 216.

⁷ Анисков В. Т. *Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига*. М., 2003. Табл. 2. С. 87.

⁸ См.: Приказ Верховного главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 г. // Сталин И. В. *О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М., 2002. С. 117.

⁹ 26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1943 г. // Там же. С. 99.

¹⁰ 27-я Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1944 г. // Там же. С. 126–127.

¹¹ Черепанов В. В. *Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне*. М., 2006. С. 125.

но перестроить всю свою работу на военный лад» и «укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности»¹². Она стала «программным документом», нацеленным на полное «превращение государства и общества в единый военный лагерь»¹³.

Практически аналогичные обязанности Сталин возложил на тыл в своем радиообращении к советским гражданам от 3 июля 1941 г.: «Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага... Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий».

Сталин призвал еще жестче развернуть кампанию по «очистке тыла» от всех тех, кто мог бы подорвать военные усилия СССР, на что указывает и Стивен Барнс в своей статье¹⁴: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов... Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица»¹⁵.

Параноидальная мысль Сталина о предательской пятой колонне была навязчивой идеей деспотичной элиты, которая, по утверждению Бернда Бонвеча, боялась собственных граждан. Шпиономания, усиленный партийный контроль, ежедневный террор НКВД свидетельствовали о «панической реакции» режима на потенциального врага. Она улеглась лишь тогда, когда «руководство осознало: люди защищают свою страну и участвуют в военных действиях добровольно, а не из страха наказания». Поскольку на кону стоял вопрос выживания, сталинское государство дало обществу «передышку», чтобы, главным образом, мобилизовать интеллигенцию¹⁶. И тем не менее на протяжении последующих четырех лет ожесточенной войны режим принуждения вкупе с непрестанной патриотической и антифашистской пропагандой, а также жесткой цензурой стал основным инстру-

---

¹² См.: Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, не ранее 29 июня 1941 г. URL: http://encyclopedia.mil.ru/files/morf/VoV_Vol10_Dokumenti.pdf (приложение) [03.01.2017].

¹³ Черепанов В. В. Власть и война. С. 95.

¹⁴ Barnes S. A. Motivating Forced Labor on the Soviet Home Front: The Gulag at War.

¹⁵ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 14–15.

¹⁶ Bonwetsch B. War as a "Breathing Space": Soviet Intellectuals and the "Great Patriotic War" // The People's War. P. 142–146.

ментом привлечения женщин и молодежи к труду в тылу под лозунгом помощи фронту¹⁷.

Победа в войне была достигнута вопреки неблагоприятным обстоятельствам и с учетом потери огромных территорий исключительно за счет привлечения всех возможных материальных и человеческих ресурсов СССР. В 1942 г. советская экономика находилась на грани коллапса¹⁸. По сравнению с довоенным уровнем в первые 18 месяцев войны советское промышленное и сельскохозяйственное производство упало на 23 % и катастрофические 62 % соответственно. Численность рабочих в промышленности и сельском хозяйстве сократилась на 37 и 48 %¹⁹ соответственно.

Вопреки такому экономическому катаклизму Советскому Союзу удалось превзойти производственные показатели промышленно более развитого противника (в 1938 г. подушный доход в СССР составлял лишь 40 % от германского). По утверждению Марка Харрисона, Советский Союз «продемонстрировал способность к военной мобилизации, свойственную более развитой экономике... Его бедность компенсировалась размерами территории, доступом к ресурсам союзников и, главным образом, эффективной системой интеграции; эти факторы придали ему гибкость в условиях внешнего давления, которое в свое время разрушило бывшую Российскую империю в Первой мировой войне... Советская экономика держалась на принудительном управлении, национальном чувстве, централизованном планировании и карточной системе, а также системе продовольственных поставок, гарантирующей продуктовое обеспечение городов»²⁰.

Действительно, Советский Союз совершил в годы войны не что иное, как экономическое чудо, и сумел, «имея намного меньшую ресурсную базу и менее квалифицированную рабочую силу», к тому же на три четверти уступая Германии в обеспечении своих граждан продовольствием, превзойти ее. В 1943 г. Германия произвела 17 тыс. танков и 27 тыс. орудий, использовав 340 млн т угля и 30 млн т стали,

---

¹⁷ См.: *Байрау Д.* Механизмы самообилизации и пропаганда в годы Второй мировой войны // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Орлов. М., 2007. С. 25–38.

¹⁸ *Harrison M.* Why Didn't the Soviet Economy Collapse in 1942? // *A World at Total War. Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945* / eds. R. Chickering, St. Förster, B. Greiner. Washington, D. C.; Cambridge, UK: German Historical Institute and Cambridge University Press, 1998. P. 137–156.

¹⁹ *Barber J., Harrison M.* The Soviet Home Front, 1941–45. Tables 8, 9. P. 218–219.

²⁰ *The Economics of World War II. Six Great Powers in International Comparison* / ed. M. Harrison. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998. P. 11, 19, 24.

тогда как Советский Союз произвел 24 тыс. танков и 48 тыс. орудий, потребив всего 90 млн т угля и 8 млн т стали. Именно «командная экономика», сочетавшая в себе «планирование, массовое производство и мобилизацию масс», обеспечила Советскому Союзу в войне решающее экономическое преимущество над противником, полагает историк Ричард Овери²¹. Но наиболее значимым фактором в этом смысле было со стороны советского государства безжалостное принуждение рабочих к повышению темпов производства и производительности труда, особенно в военной промышленности; при этом их уровень жизни к 1943 г. снизился на 40 % по сравнению с довоенным²². Ни в одной воевавшей тогда стране рабочие «не стерпели бы» подобных материальных «лишений»²³. Да и никакой другой военной режим не посмел бы требовать подобных жертв от собственных граждан. Даже режим Гитлера, опасавшийся, что мобилизация в духе «тотальной войны» могла бы вызвать еще одну «ноябрьскую революцию 1918 года». Военная экономика Германии, находившаяся под угрозой коллапса в 1942 г., выстояла лишь благодаря принудительному труду «остарбайтеров», насильно вывезенных из оккупированных стран, включая 2,2 млн советских граждан. Тем самым вплоть до 1944 г. Германия могла позволить себе отказаться от использования труда немецких женщин²⁴.

Только сталинское «военно-мобилизационное» государство могло потребовать от граждан такого самопожертвования в военное время²⁵, к чему психологически готовило их с 1930-х гг., опираясь на широкий арсенал драконовских трудовых декретов. Следовавшие один за другим с 26 июня 1940 г. по 19 октября 1940 г. законы о труде вводили уголовную ответственность за нарушение трудовой дисциплины, увеличивали продолжительность рабочего дня до 8 часов, устанавливали шестидневную рабочую неделю и, в конце концов, узаконили прикрепление работника к определенному рабочему месту. Как утверждает Бернд Бонвеч, «рабочие были полностью мобилизованы» еще до вторжения стран «Оси». Под пристальным надзором сталинского приспешника Льва Мехлиса, наркома госконтроля, советское производство вооружений росло бешеными темпами.

---

²¹ *Overy R.* Why the Allies Won. New York; London: W. W. Norton & Co., 1996. P. 182–187.

²² *Harrison M.* Why Didn't the Soviet Economy Collapse in 1942? P. 146.

²³ *Overy R.* Why the Allies Won. P. 188.

²⁴ *Mommsen H.* The Impact of Compulsory Labor on German Society at War // *A World at Total War*. P. 181, 186; *Bonwetsch B.* Sowjetische Zwangsarbeiter vor und nach 1945. Ein doppelter Leidensweg // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1993. Nr. 41. S. 532–546.

²⁵ *Черепанов В. В.* Власть и война. С. 183.

Действительно, советская экономика была «военной экономикой в мирное время». За годы войны ей удалось намного превзойти немецкую, невзирая на катастрофические потери и дезорганизацию после нападения в июне 1941 г.²⁶

С наступлением вермахта и первыми поражениями Советский Союз столкнулся с «последним препятствием», ограничивавшим его «возможности вести войну», – хронической нехваткой рабочих рук²⁷. Компенсировать ее можно было, лишь мобилизовав миллионы женщин и юных людей. Но «в экстремальных условиях» войны, когда резко сократилось потребление, политические, то есть «внеэкономические», механизмы стали более эффективными для поддержания военного производства²⁸.

Вопрос о механизмах, с помощью которых сталинское государство мобилизовало советских граждан на изнурительную, но, в конечном счете, победоносную войну, разделил историков – восточных и западных²⁹. Принимая во внимание огромные человеческие потери, понесенные советским народом в войне, – около 27 млн погибших, не удивительно, что участие в войне рассматривали как исполнение «священного долга» перед родиной, и мало кто из историков, как советских, так и постсоветских, считал возможным оценивать это критически. Даже когда некоторые аспекты войны мягко ставили под сомнение, власти – как советские, так и постсоветские – осуждали это³⁰.

Советская пропаганда военного времени и историография Великой Отечественной войны утверждали, что подавляющее большинство работников тыла, откликнувшись на призыв «Все для фронта!», активно и добровольно отдавали ему все свои силы³¹. Однако зача-

---

²⁶ Бернд Бонвеч ссылается здесь на: *Sapir J. Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg 1941 bis 1945: der "Große Vaterländische Krieg" // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2005. S. 19–21.*

²⁷ *Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–45. P. 143–145.*

²⁸ *Сомов В. А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Н. Новгород, 2004. С. 6–7: «В тяжелых условиях войны заинтересованность трудящихся в материальной выгоде как мотивации труда не имела решающего значения... Внеэкономические факторы трудовой мотивации, не связанные с прямым материальным стимулированием или материальными условиями труда».*

²⁹ Там же. С. 22–47 («Историография проблемы»).

³⁰ *Markwick R. The Great Patriotic War. P. 701–702. См. URL: <https://lenta.ru/news/2016/03/16/mironenko/> («Назвавший мифом подвиг 28 панфиловцев глава Госархива ушел с должности») [16.03.2017].*

³¹ См.: Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945): Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21–22 апреля 2005 г. /